

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

ВЗРЫВ

Мастера сыска. СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Мастера сыска. Советское время

Сергей Леонтьев

Взрыв

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев С. Л.

Взрыв / С. Л. Леонтьев — «Издательство АСТ»,
2022 — (Мастера сыска. Советское время)

ISBN 978-5-17-147398-3

В октябре 1979 года на железнодорожной станции произошел страшный взрыв – вагоны, в которых перевозили взрывоопасное вещество, сорвались с тормозных башмаков и столкнулись с проходящим товарным поездом. Во время оказания помощи пострадавшим врачи «Скорой помощи» случайно обнаружили зеленую тетрадь, содержащую зашифрованные записи. Они могут вывести на след успешно действующей крупной преступной группировки, однако это будет непросто, ведь на противоположной стороне играет отличный шахматист, умеющий просчитывать все ходы и не чурающийся самых жестких приемов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147398-3

© Леонтьев С. Л., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть I. Дебют	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Леонтьев

Взрыв

© Леонтьев С., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

4 октября 1979 года, четверг.

Город С., час пятьдесят пять, диспетчерская железнодорожной станции Сортировочная

Железная дорога никогда не спит. Тем более не спит сортировочная станция, где магистрали подходят к промышленному центру. Здесь всегда движение: формируют составы, пропускают транзитные поезда, отцепляют и прицепляют вагоны, проверяют их исправность, делают мелкий ремонт... И все это без остановки, днем и ночью. В соответствии с расписанием – священным заветом железной дороги.

Но на сортировочной станции работают живые люди. А люди ночью хотят спать. Особенно если предыдущей ночью раз пять приходилось вставать к температурающей младшей, а в полседьмого будить в школу старшую. Татьяна уже испробовала все проверенные средства. По щекам себя хлопала, уши натирала, за бедра щипала. Крепкий чай булькал в горле и грозился излиться наружу. Пятый стакан как-никак. И все равно глаза предательски слипаются, голова опасно склоняется над пультом. Несколько раз она проваливалась в короткое забытие, после которого с трудом приходила в себя, не сразу понимая, где находится. А может, у нее тоже поднялась температура? Подхватила заразу от дочки? Зря вообще сегодня она вышла. Так и до беды недалеко. Можно было, конечно, взять бюллетень по уходу, но ночные смены оплачиваются в полуторном размере – немаловажное обстоятельство для матери-одиночки.

Татьяна яростно потеряла уши и посмотрела на часы, потом в окно, на ярко освещенную прожекторами рабочую зону. Через три минуты надо пропустить транзитный с углем. Затем подать на разгрузку вагоны с чем-то опасным. С чем именно, Татьяна не знала, в путевом листе было обозначено только: «Опасный груз, особый контроль». Вагоны стояли на горке, закрепленные тормозными башмаками. Татьяна вдруг почувствовала непонятное беспокойство. Старший сигналист¹ Петрович сегодня не вышел, позвонил перед самой сменой, пожаловался, что радикулит разбил. Прислал вместо себя племянника. Заверил, что племянник грамотный, с опытом работы и в железнодорожном учится. Племянник оказался общительный, на вид толковый. Принес коробку конфет «Птичье молоко», Татьянины любимые. Обаятельно улыбался, шутил, говорил, что не раз сигнальником-башмачником подрабатывал. Татьяна его до работы допустила. Не положено, конечно, но что делать? Где она поздним вечером надежного сигналиста найдет? Помощники у Петровича – пьянь горькая, что один, что второй. Старшим из них никого не поставишь, точно что-нибудь напутают. Поэтому и закрыла Татьяна глаза на подмену. Теперь жалеет. Надо было начальника смены в известность поставить.

Она снова посмотрела в окно. Вот и транзитный с углем. Не торопится, соблюдает скоростной режим. Господи, что это?! Наперерез товарняку катятся те самые опасные вагоны. Татьяну бросило в холодный пот, сонливость как рукой сняло, но сделать она уже ничего не могла. Как в замедленной съемке она видела набирающие ход вагоны. Длинный товарняк не успеет пройти. Только одна мысль крутилась в голове: неужели она дала команду убрать башмаки? Татьяна видела, как бегут к вагонам помощники Петровича, те самые пьяницы, тащат восьмикилограммовые башмаки в каждой руке. Почему-то племянника с ними нет. Да какая разница? Башмаками не остановят. Состав уже набрал ход. Срывая голос, Татьяна кричала по громкой связи, вызывая маневровый тепловоз, приказывая, прося, умоляя догнать и прицепиться к опасным вагонам. Наконец маневровый показался на горке и, набирая ход, покатился вслед за убегающим составом. Но до него далеко, слишком далеко, не успеет...

¹ Сигналист – работник железной дороги, который занимается установкой сигнальных знаков и тормозных башмаков, препятствующих скатыванию вагонов под уклон.

Часть I. Дебют

Задача дебюта состоит в наилучшей мобилизации сил для предстоящей борьбы. Для этого в первую очередь развиваются легкие фигуры. Не следует торопиться с выведением наиболее ценных фигур на середину доски, где они легко подвергаются ударам.

Макс Эйве «Учебник шахматной игры»

Глава 1

До ночного затишья седьмая бригада выезжала девять раз: четыре тяжелых инсульта, два гипертонических криза, две автомобильные аварии. Поздно вечером они отвезли в травму «парашютиста» – подвыпивший мужчина улетел с балкона пятого этажа. Был бы трезвый, разбился бы насмерть, а так «всего лишь» перелом таза и сотрясение. Вернулись на подстанцию около двенадцати ночи. Как правило, с полуночи до четырех утра вызовов мало. Город засыпал, засыпали и болезни. В пятом часу болезни просыпались, и начиналась обычная утренняя круговерть: гипертонические кризы, приступы астмы, инсульты, инфаркты...

Вернувшись, Андрей с Оксаной в комнаты отдыха не пошли. Пили на кухне чай, болтали о всяких пустяках, целовались, когда никого не было.

Около двух часов за окнами гроыхнуло, здание подстанции содрогнулось. Для грозы не сезон: начало октября. Тревожно переглянулись, и доктор Тюленин из реанимации предположил, что начались ночные стрельбы на танковом полигоне. «Вроде в другой стороне взорвалось, в железнодорожном районе», – усомнился кто-то из линейных бригад. Когда через несколько минут по селектору прозвучало распоряжение: «Всем срочно подойти к диспетчерской», – никто не удивился.

В холле стоял старший дежурный врач Соколов Григорий Павлович, мрачный, взъерошенный, в расстегнутом халате, с бланком вызова в руке. Дождавшись, пока все соберутся, без лишних слов объявил:

– Авария на станции Сортировочная: состав с чем-то взрывающимся столкнулся с другим поездом. Разрушен поселок железнодорожников. Количество пострадавших неизвестно. Еще какая-то химическая гадость разлилась. Получить респираторы, дополнительный комплект обезболивающих и перевязочных средств. Работать в перчатках. На месте будет создан штаб спасательной операции, указания получите по рации. Все, вперед.

Оксана побежала в «заправочную» за допкомплект. Вернулась возбужденная, глаза светятся.

– Как здорово, что я сегодня смену взяла! Настоящая катастрофа!

Сергеев вздохнул, подхватил тяжелый железный ящик, направился к машине.

«Совсем девчонка еще, чему тут радоваться?»

Ничего хорошего от этого десятого вызова он не ждал...

«Рафики» центральной подстанции шли колонной. На параллельных улицах мерцали синие маячки – спешили пожарные, милиция, бригады с других подстанций. Было темно, в окнах домов горел свет. Большинство стекол выбито, вдоль дороги стоят испуганные люди, кто в чем: видно, что выбегали в панике, хватали детей и что под руку попадет. Колонну то и дело останавливали, просили оказать помощь. В основном неглубокие резаные раны от осколков. Но были и серьезные повреждения: кровотечения из крупных сосудов, множественные переломы, тяжелые черепно-мозговые травмы. Бригады по одной отставали, собирали по несколько пострадавших, перевязывали, фиксировали, кололи обезболивающие и везли в больницы.

Район аварии был виден издалека. В ночное небо поднимался столб черного дыма, освещенный языками пламени. На дороге валялись разлетевшиеся при взрыве железнодорожные сцепки, колесные пары, исковерканные части вагонов. Чем ближе к станции, тем сильнее были разрушения. Деревянные жилые дома разметало на бревна. Некоторые горели. Каменные выглядели как после бомбежки. Здесь электричества уже не было, не работали уличные фонари, оконные проемы темнели черными дырами.

Движение серьезно замедлилось: объезжали завалы, местами приходилось выходить и расчищать дорогу. Навстречу проползли четыре «Скорые» – первыми прибывшие бригады с железнодорожной подстанции вывозили раненых. Вскоре колонна окончательно останови-

лась. Дорогу преграждали бронетранспортер с навесным отвалом-щитом, как у бульдозера, несколько пожарных машин и милицейский «газик». В воздухе стоял запах гари и какой-то химии, от которой слезились глаза и першило в горле. Сверху падали хлопья сажи. Медики нацепили респираторы. Впереди в тревожном свете пожаров мелькали тени, рычали моторы, слышались крики людей. Картина напоминала эпизод из кинофильма «Экипаж», который Сергеев с Оксаной недавно смотрели: все горит и рушится. Только сейчас это происходило не на экране. Командовал майор с эмблемой железнодорожных войск, с воспаленными глазами, без фуражки. Сорванным голосом майор прохрипел порядок действий. В очаг выдвигаться нельзя, возможны новые взрывы. И смысла нет, там никого не собрать. В близлежащих завалах могут быть живые. Первыми идут военные железнодорожники. За ними пожарные расчеты и милиция. Медики в третьем эшелоне. Дороги расчищает тяжелая техника. Там, где не проехать, идти пешком. Слушать команды военных и пожарных. При малейшей угрозе немедленно эвакуироваться. Глупого героизма не проявлять.

«Рафик», детище рижской автобусной фабрики, не приспособлен для преодоления полосы препятствий. Не то что пожарный «Урал» на высоких колесах. Встали, не проехав и двухсот метров. Взяли ящик с лекарствами, мешок Амбу² для реанимации, дополнительный перевязочный набор, носилки – и пересели к пожарным.

Одноэтажное кирпичное здание, где обнаружили пострадавших, было наполовину разрушено. Одна стена практически отсутствовала, часть перекрытий обвалилась, другие держались на честном слове. Вслед за командиром пожарного расчета вошли, стараясь не приближаться к покосившимся стенам и опасно поглядывая наверх. Просторное помещение заставлено покореженными станками – видимо, до катастрофы здесь было какое-то производство.

– Давайте быстрее, по моей команде бегом наружу, – сказал пожарный, освещая дорогу мощным фонарем. – Сюда, здесь они.

Протиснувшись между сорванными с места станками, Андрей с Оксаной подошли к стене, оказавшейся внутренней перегородкой, почти не пригибаясь пролезли через пролом в кирпичной кладке и попали в небольшую комнату. Вернее, в то, что от комнаты осталось. Очевидно, здесь была бухгалтерия. Чудом устоявший шкаф забит бумагами и папками. Канцелярские столы повалены. На полу, среди обломков кирпичей и стекол, бухгалтерские счета, письменные приборы, арифмометр «Феликс»³. Пострадавших трое, две женщины и мужчина.

– Здесь еще более-менее. Там, – пожарный махнул рукой в сторону обвалившихся перекрытий, – вообще кошмар, лучше не видеть.

– Посветите! – попросил Андрей.

Быстро проверил пульсацию на сонных артериях – женщины мертвы. У одной, судя по положению головы, перелом позвоночника в шейном отделе. У второй множественные порезы, из ран торчат осколки стекол, под телом большая лужа крови. Мужчина, молодой, около тридцати, без сознания, лежит на боку, руки прижаты к груди, прерывисто дышит, в области затылка большая скальпированная рана. Скорее всего, проникающая. Пульс частый, нитевидный, мышцы живота напряжены. Возможна травма внутренних органов с кровотечением.

– Оксана, систему с полиглюкином и дексаметазоном, я обработаю рану.

– Хорошо, доктор.

Оксана открыла железный ящик с красным крестом, начала готовить систему. Андрей занялся раной, которая действительно оказалась проникающей: сквозь раздробленные кости черепа видна синюшная твердая мозговая оболочка.

– Андрей, помоги!

² Мешок Амбу – ручной аппарат для искусственной вентиляции легких.

³ Арифмометр «Феликс» – самый распространенный в СССР арифмометр. Назван в честь Феликса Дзержинского.

Оксана пыталась разогнуть руку пациента, чтобы поставить катетер. Сергеев закрыл рану на голове стерильной салфеткой, взялся за руку, с трудом оторвал от груди, выпрямил. Только теперь обратил внимание на толстую зеленую тетрадь в твердой обложке. По-видимому, очень ценную для раненого. Именно ее мужчина судорожно прижимал к груди – похоже, боялся потерять.

Манипуляции с рукой как будто лишили раненого последних сил. Он захрипел, дернулся и затих. Дыхание остановилось, пульса не было. В соседнем помещении что-то обрушилось, по стене комнаты поползла трещина.

– Быстро уходим, сейчас обвалится! – Андрей услышал взволнованный голос командира расчета.

Подхватив медицинский ящик, Сергеев взял за руку Оксану, бросился вместе с ней вслед за пожарным. Они выскочили и успели отбежать на несколько метров, когда стены здания с грохотом сложились, подняв клубы пыли.

Тяжело отдышались. Девушка дрожала, испуганно прижимаясь к Андрею.

– Я там банку с полиглюкином оставила, – пожаловалась она.

– Не бери в голову, – успокоил ее Андрей. – Ты молодец!

Нежно обнял, поцеловал в щеку. Щека была мокрая. Оксана сжимала в руках какой-то предмет. В утренних сумерках Андрей не сразу понял, что это. А когда понял, удивился.

– Зачем ты ее взяла?

Оксана недоуменно разглядывала зеленую тетрадь.

– Андрей, не знаю, я честно не хотела, наверное, машинально подняла, а потом мы побежали...

За четыре месяца до взрыва на станции Сортировочная.

Москва, микрорайон Северное Чертаново

Квартиру установили случайно. Соседи вызвали участкового, чтобы утихомирить пьяницу-дебошира. В подъезде участковый капитан Мишин столкнулся с мужчиной, очень похожим на сбежавшего из мест заключения вора, фотография которого давно украшала «доску почета» райотдела. Мишин, молодец, задерживать гражданина не стал, аккуратно проследил, в какую квартиру тот зашел. В двадцать вторую, причем дверь по-хозяйски открыл своим ключом.

Призвав к порядку отмечавшего получку дебошира, Мишин расспросил соседей про квартиру двадцать два и ее жильца. Выяснил, что проживающая там Семеновна, по паспорту Дягилева Анна Семеновна, пенсионерка, как всегда ранней весной уехала на дачу, где теперь и проживает. В квартиру поселила якобы родственника. Только никакой это не родственник, а очень подозрительный тип, который ни с кем не здоровается, а сталкиваясь на лестничной площадке с жильцами, отворачивается, как будто лицо прячет. Кстати, в райотдел родственник не обращался, чтобы оформить временную прописку, как по закону положено.

Вернувшись в отдел, капитан Мишин доложил о подозрительном гражданине начальнику. Тем же вечером квартира была взята под наблюдение сотрудниками уголовного розыска. В ходе наблюдения установлено, что подозрительный гражданин не кто иной, как сбежавший при этапировании вор-рецидивист Седых Григорий Матвеевич, псевдоним Седой, специализирующийся на квартирных кражах у известных деятелей советской культуры и искусства. Решено было Седого временно не задерживать, а установить за ним наблюдение для выявления возможных связей.

На третий день, вернее ночь, Седой вернулся в два сорок пять на такси в сопровождении неизвестного. Из машины выгрузили три объемных чемодана и подняли в квартиру двадцать два, после чего неизвестный уехал. За автомобилем такси установили слежку. Старший группы наблюдения доложил о происшедшем по инстанции, после чего в три сорок пять к дому подъ-

ехала группа захвата. Дверь в двадцать вторую квартиру с ходу вынесли, Седого взяли «тепленьким» в постели.

При обыске в чемоданах обнаружили столовое серебро, ювелирные украшения, деньги, одежду импортного производства. Украденные, как позднее выяснилось, из квартиры известного пианиста, гастролировавшего в это время в Германской Демократической Республике. Кроме того, в квартире нашли несколько дорогих шуб явно фабричного производства, но без ярлычков с ГОСТом. Шубы по описанию походили на похищенные неделю назад у известной всему союзу певицы, любимицы генсека. Расследование этой кражи было взято на контроль партийными органами и КГБ. Потому что такие кражи бросают тень на первое в мире социалистическое государство, отдельные несознательные граждане которого не желают жить честным трудом.

Глава 2

1. d4...Kf6

Ферзь хорошо знал защиту Нимцовича, часто играл ее черными. Белыми предпочитал ленинградский вариант Спасского, с быстрым развитием и постоянным давлением на противника. Развитие и давление – залог успеха в шахматах. И в жизни.

2. c4...c6

3. Kc3...

Именно так играл гроссмейстер Спасский, а не конь f3.

...Cb4

4. Cg5...

Слабость ферзевого фланга обманчива. Если черные задумают начать здесь атаку – белым есть чем ответить.

...h6

Противник не дилетант, не ввязывается в драку без должной подготовки.

5. Ch4...c5

Ну, это предсказуемо, хотя многие предпочитают обмен на c3.

6. d5...b5

Ферзь ненадолго задумался. Укрепить центр пешкой на e4 или ответить остро разменом центральных пешек? «Пешка d5 бьет на e6», – сказал он в трубку и посмотрел на часы. Семь двадцать пять. В половине восьмого должен звонить Турок. Они начали игру с опозданием, шахматист из Новосибирска, директор номерного ящика⁴, позвонил только в семь двадцать три. Хотя договаривались на семь. Сказал, что долго не давали межгород⁵. Ферзь предупредил, что ограничен во времени, и предложил сделать несколько первых ходов. Директор согласился.

Партию по телефону они запланировали давно, еще в июле, в ресторане гостиницы «Ялта Интурист». Играли на интерес. Сумма несерьезная, всего десять тысяч, но добавляет азарта. Ферзь усмехнулся: для кого-то и несерьезная, а для коллег по кафедре – зарплата за несколько лет.

7...fxe6

Ферзь снова бросил взгляд на часы: семь двадцать девять. Оставив ход за собой и согласовав день продолжения игры, повесил трубку.

Семь тридцать. В ожидании звонка Ферзь подошел к окну. Улица выглядела как обычно. Утренние сумерки, народ толпится на остановке, автобус опаздывает. Самые нетерпеливые вышли на проезжую часть, пытаются разглядеть маршрутный в потоке транспорта. Погода для начала октября теплая, дождя нет. В сквере напротив первые мамы с колясками. Все спокойно, как будто ночью ничего не произошло. А ведь произошло. В два ноль пять хлопнуло и дом ощутимо тряхнуло.

Ферзь вернулся за стол, склонился над шахматной доской. Машинально сделал несколько ходов за белых и черных. Вернул фигуры в отложенную позицию. Семь часов тридцать девять

⁴ Номерной ящик – разговорное название объектов военно-промышленного комплекса в СССР.

⁵ Межгород – междугородняя телефонная связь в СССР через оператора, до повсеместного внедрения автоматизированной телефонной связи. Как правило, предоставлялась в течение часа, иногда дольше.

минут. Почему Турок не звонит? Не может найти будку с работающим аппаратом? Вряд ли, он предусмотрительный, наверняка заранее проверил пару кабин. Часы отстают? Тоже не в характере помощника.

Семь сорок пять. Ферзь поднял трубку, проверил сигнал. Непрерывный гудок, линия свободна. Положил трубку на место, задумался. Что-то пошло не так?

Звонок раздался в семь пятьдесят три.

– Ферзь, это Турок.

Голос спокойный – впрочем, Турок даже в самых напряженных ситуациях умудрялся сохранять спокойствие. На смуглом восточном лице не проявлялись эмоции. Узкие темные глаза оставались бесстрастными. Эта способность не раз выручала Турка на ринге и ставила в тупик партнеров по картам.

– Слышу, говори.

Турок, в миру Туранов Демир, бывший боксер в первом тяжелом весе, был ближайшим помощником Ферзя. Псевдоним получил не от фамилии или национальности, как думали непосвященные. Псевдоним помощнику дал Ферзь. О своем происхождении Туранов ничего не знал. Воспитывался в детском доме, куда попал года в три. Где родители и почему оказался на улице, он не знал. Но имя и фамилию в приемнике-распределителе назвал уверенно. Возможно, и были у Демира турецкие корни, Ферзя это не особенно интересовало. А Турком помощник стал от туры, шахматной фигуры. Тура, она же ладья, – вторая по силе фигура. После ферзя, конечно.

– У нас проблема.

– Серьезная?

– Пока нет. Но надо принять меры.

– Жду через сорок минут.

Ферзь, он же Шандалов Алексей Васильевич, доцент кафедры математики, положил трубку. Телефон был зарегистрирован на соседку-пенсионерку, проживающую этажом ниже. Но как говорится, береженого Бог бережет. В Бога Ферзь не верил, однако не предназначенные чужим ушам разговоры предпочитал вести с глазу на глаз, на конспиративной квартире, приобретенной через жилищно-строительный кооператив на подставное лицо.

До квартиры десять минут неспешным шагом. Есть полчаса на чашку кофе и сигару. Ферзь подошел к буфету, отодвинул банку днепропетровского растворимого, что держал для нечастых гостей, достал натуральный бразильский в зернах. Второй профессор кафедры Свиридов, плебей и абсолютная бездарность, за такой кофе отдал бы половину месячной зарплаты. Да вот беда, купить бразильский можно только в московских валютных магазинах. Или, если очень повезет, в гастрономе на Чистых прудах. Так что пить Свиридову советский растворимый. Этот кретин зарубил докторскую диссертацию Ферзя на совете. Ферзь хотел поручить Турку переговорить с профессором где-нибудь в тихом месте. Но передумал: не стоит дразнить милицию по пустякам. В конце концов, это для Свиридова и ему подобных докторская степень – предел мечтаний.

Ферзь насыпал матовые коричневые зерна в турецкую кофемолку, проверил расстояние между жерновами: он любил тонкий помол, что называется, в пыль, покрутил ручку. Комната наполнилась бодрящим ароматом свежемолотого кофе. Джемва уже стояла на плите, вода достигла нужной температуры. Ферзь аккуратно пересыпал кофе в медный раструб и сосредоточился на самом ответственном моменте: не допустить закипания и разрушения кофейной пробки. В нужный момент, завершая священнодействие, перелил дымящийся напиток в керамическую чашку с толстыми стенками, не позволяющими кофе остывать слишком быстро. Поставив чашку на журнальный столик, вернулся к буфету. Выдвинул ящик, где вместе с госте-

вым запасом отечественных сигар, скрученных на табачной фабрике в городе Погаре⁶, хранились дефицитные кубинские в металлических тубах. Аккуратно отрезав кончик «Монтекристо» золотой гильотиной, раскурил от длинной кедровой спички. К аромату кофе добавился густой запах сигарного дыма. Удобно устроившись в кресле с высокой спинкой, поднес к губам чашку, сделал первый обжигающий глоток, посмаковал вкус, почувствовал, как внутри разливается приятное тепло. Говорят, что генсек портит кофе молоком. Впрочем, чего ожидать от сына помощника вальцовщика из Курской губернии?

Ферзь откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, сосредоточился, возвращаясь к телефонному разговору. В том, что Турок выполнил поручение, соблюдая все данные ему инструкции, Ферзь не сомневался. Но действовал помощник не один. А чем больше участников, тем больше вероятность ошибки. Да и вся операция была на грани авантюры. Благодаря случайному стечению обстоятельств появилась возможность, пожертвовав пешками и легкими фигурами, эффектно завершить партию. Но времени на подготовку не оставалось, требовались немедленные действия. И Ферзь рискнул. Настоящий мастер не тот, кто вызубрил дебютные варианты и комбинации, а тот, кто не боится импровизаций и экспромтов.

Сейчас, прокручивая в памяти события недавнего прошлого, Ферзь думал, что поступил правильно. Второй раз такой шанс не выпадет, а внутренний звонок тревоги, к которому он всегда прислушивался, упорно молчал. Значит, нет повода для беспокойства. Турок сказал: «У нас проблема». Любую проблему можно свести к элементарной шахматной задаче – белые начинают и выигрывают.

За четыре месяца до взрыва на станции Сортировочная.

Москва, площадь Дзержинского, инспекторское управление КГБ СССР

Начальник отдела по контролю за деятельностью милиции полковник Коновалов внимательно перечитывал рапорт майора Гнездилова. Что-то не давало ему наложить на бумагу привычную резолюцию «в архив». Казалось бы, дело закрыто, шубы известной певицы, любимицы генсека, найдены и возвращены хозяйке. Правда, заслуги милиции и комитета в этом нет. Все решила случайность. Так не первый раз и не последний. Случайность – немаловажный фактор в следственной работе.

Но сидела в рапорте майора некая заноза, тревожащая профессиональную интуицию полковника. А к своей интуиции Коновалов относился с уважением.

Полковник дошел до предпоследнего абзаца текста, написанного убористым, но хорошо читаемым почерком. Стоп! Вот оно: «...на изъятых шубах фабричного производства отсутствуют установленной формы ярлычки с ГОСТом, а также следы их удаления после приобретения». То есть не срезала певица ярлычки острыми ножничками. Изначально ярлычков не было. И где же куплены шубы? Ну конечно, в «Березке» на Горького за... Читая в первый раз, полковник пропустил стоимость как несущественную деталь. Однако теперь эта деталь вместе с отсутствием маркировки и фабричным происхождением шуб приобрела особое значение. Итак, что получается? На какой-то из меховых фабрик Союза шьют дефицитную левую продукцию, которую сбывают через «Березки», а возможно не только «Березки», за большие деньги. Это наносит серьезный ущерб советской экономике.

Полковник поднял трубку внутренней связи:

– Гнездилова ко мне, срочно!

⁶ Погар – поселок городского типа, административный центр Погарского района Брянской области. Погарская сигарно-сигарная фабрика – единственный в СССР и России производитель сигар, основана в 1915 году.

Глава 3

Около четырех часов бесконечного дня пили чай у Сергеева в общежитии. Смена затянулась почти до часа. Трижды пришлось возвращаться на Сортировку, откуда вывезли восемь пострадавших. Смертей больше не было, но двое из восьми оказались тяжелые, в том числе девочка-подросток с обширными ожогами третьей степени.

После дежурства Оксана в институт не пошла, позвонила маме, успокоила, сказала, что побудет до вечера у Андрея. Сергеев тоже на работу не пошел: проверять карты вызовов и отвечать на вопросы коллег настроения не было. Он сбегал в ближайший гастроном, купил чекушку⁷ водки, две бутылки кефира, батон, пачку печенья и полкило сосисок. Колбасные изделия в гастрономе не появлялись уже больше месяца, а сегодня пожалуйста: «докторская», «любительская», «ливерная», молочные сосиски. И никто не кричит: «Граждане, колбасы не больше палки в одни руки!» Выбросили в связи с аварией, чтобы народ отвлечь, решил Андрей. Хотел взять «докторскую» про запас, но обнаружил, что в кошельке осталось только три рубля с мелочью, а до зарплаты почти неделя.

Они устроили настоящий пир, Оксана пила водку наравне с Андреем, поэтому бутылку опустошили быстро. После еды попытались вздремнуть, Оксана на кровати, Андрей на надувном матрасе. Но сон не шел, слишком велико было возбуждение. Через полтора часа поднялись разбитые, с головной болью, заварили покрепче чай, открыли пачку печенья.

Пришел расстроенный Коля Неодинокый, врач линейных бригад, бывший однокурсник, товарищ по стройотряду, надежный и преданный друг. В ночь взрыва он не дежурил, на аварию не попал и страдал по этому поводу. Заметив пустую водочную бутылку, еще больше огорчился: «Вот так всегда, все интересное мимо проходит, кто-то, рискуя жизнью, раненых спасает, кому-то слава, медали, ценные подарки, наркомовские сто грамм! А кто-то бабушкам в заднее место магнезию колет». «Ой, спасибо тебе, сынок, сейчас чай заварю, варенье у меня домашнее», – Коля забавно передразнил безымянную пациентку и потребовал подробностей о ночных подвигах. Но и здесь Неодинокого поджидало разочарование. Делиться впечатлениями Андрей с Оксаной не захотели.

Колины расспросы напомнили Сергееву про зеленую тетрадь, которую Оксана вынесла из рухнувшего здания. Тетрадь лежала в рабочем портфеле Сергеева, вместе с объяснительной доктора Широкого, опоздавшего на дежурство «по личным обстоятельствам», «Комсомольской правдой» с материалами пленума ЦК для политинформации и «Выстрелом в спину» Николая Леонова про сыщика Льва Гурова.

Содержимое стандартной тетради в сорок восемь листов оказалось странным. Страницы в клетку были аккуратно расчерчены на четыре колонки без оглавления. В первой колонке каллиграфическим почерком вписаны даты. Во второй – цифры с двумя знаками после запятой. Перед цифрами стоял плюс или минус. В третьей колонке каждой цифровой записи соответствовали имена, инициалы или адреса. В четвертой записей было немного, лишь несколько раз шли пояснения вроде «уточнить у Ф», «передать Т» или «списать». Обороты расчерченных страниц заполнены рядами пятизначных цифр – несколько абзацев или весь оборот целиком. В конце еще несколько листов сплошь с рядами цифр.

– Какая-то китайская грамота, – разочарованно вздохнул Николай. – Повесьте в рамку на стену, будет сувенир.

– Не скажи, друг мой, – возразил Андрей, сосредоточенно рассматривая записи. – Ручки разные, а почерк один и тот же. Думаю, это не просто сувенир.

– А что это, Андрюша? – Оксана наклонилась, заглядывая Андрею через плечо.

⁷ Чекушка (разг.) – бутылка емкостью четверть литра.

Каштановые волосы щекотали щеку; девушка приняла душ, от нее приятно пахло мылом и чистой кожей; в его плечо упиралась ее волнующая округлость. То ли водка еще не выветрилась, то ли адреналин после ночного стресса продолжал действовать, но загадочные записи вдруг отодвинулись на второй план.

– Старик, давай выкладывай, что ты про это думаешь.

– Про что? – переспросил Андрей.

– Ну, про это! – Николай нетерпеливо постучал по тетради.

– Ты «Черный маклер» «Знатоков»⁸ смотрел? – ответил Андрей вопросом на вопрос.

– Это какая серия? Когда показывали?

– Вышла в семьдесят первом.

– Ну ты даешь, старик! – искренне изумился Неодинокый. – Это когда было? Мы еще на первом курсе учились.

– В прошлом году повторяли по второй программе.

– Ладно, не томи. – Николай махнул рукой. – При чем здесь твой маклер?

– Во-первых, не мой, а Центрального телевидения СССР. Во-вторых, там нечто похожее было. – Андрей показал на тетрадь. – Черная бухгалтерия.

– То есть?

– То есть бухгалтерия преступной группы. Даты и цифры – это поступления денег или расходы. Адреса, имена, инициалы – кому и от кого. Четвертая колонка – видимо, примечания.

– А почему обязательно черная? Может, личные записи: кому сколько заплатил, от кого получил.

– Ты когда деньги получаешь?

– Пятого и двадцатого.

– А здесь, – Сергеев провел указательным пальцем по странице, – через день поступления. Первые два месяца одни минусы. Потом начались плюсы, чем дальше, тем чаще и больше. Нам с тобой столько за десять лет не заработать. Даже если Оксанину повышенную стипендию добавить.

– И что?

– А то, – Андрей посмотрел дату на первой странице, – что в феврале семьдесят седьмого кто-то организовал подпольное производство...

– Швейное, – вставила Оксана.

– Откуда ты знаешь? – удивился Неодинокый.

– Там станки были швейные. Я такие видела, нас в школе на уроке труда на швейную фабрику водили.

– В феврале семьдесят седьмого кто-то организовал подпольное швейное производство, – закончил мысль Андрей. – Первые месяцы были расходы: закупалось оборудование и материалы. Потом начали продавать продукцию, появились доходы, и немалые. На вышку⁹ тянут.

– А почему ты думаешь, что это подпольное производство? – спросил Неодинокый.

– Коля, я родился в этом городе. Все промышленные предприятия могу перечислить. В основном у нас металлурги и машиностроители. Легкой промышленности немного. Швейных фабрик две, ни одна не расположена на Сортировке.

– А может, это кооператив, – не сдавался Неодинокый. – Есть же у нас кооперативы?

– Два тебе за политграмотность. Производственные кооперативы ликвидировали в шестидесятом году, есть специальное постановление ЦК. Это цеховики¹⁰, Коля.

⁸ «Черный маклер» – серия из многосерийного телевизионного фильма «Следствие ведут знатоки».

⁹ Вышка (разг.) – высшая мера наказания.

¹⁰ Цеховик – подпольный предприниматель в СССР.

– Цеховики, – задумчиво повторил Неодинокый. – Возможно. Я где-то читал, или у «Знатоков» была серия. Там неучтенную обувь делали, кстати, хорошую, не хуже югославской. Не помню, как серия называется.

– Не было у «Знатоков» такой серии, – возразил Андрей, продолжая сосредоточенно изучать записи. – Но это сейчас не важно.

– А что важно?

– Вот это.

Сергеев перевернул одну из расчерченных страниц, показал на ряд пятизначных чисел на обратной стороне.

– Ну, цифры, числа, – пожал широкими плечами Коля. – Что в них важного?

– Это не просто цифры-числа. Это шифр. И еще...

Андрей замолчал, откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Некоторое время Николай с удивлением посматривал на друга. Потом не выдержал:

– Ну говори же, что еще?

Андрей открыл глаза, повернулся к Оксане:

– Тебе на том вызове ничего странным не показалось?

– Нет, – растерялась девушка. – Там страшно было, я старалась не смотреть по сторонам.

– Понятно.

Сергеев взглянул на Николая.

– Коля, что такое взрывная волна?

– А то ты не знаешь! Это когда воздух в месте взрыва сжимается, потом стремительно расширяется.

– И сносит все на своем пути, – подхватил Андрей. – А направленность волны можно определить по разрушениям.

Андрей взял лист бумаги. Нарисовал в центре взрыв, как рисуют дети на картинках про войну. Вокруг взрыва нарисовал концентрические круги и стрелками обозначил направление волны. Одна из стрелок уперлась в прямоугольник, обозначающий строение.

– Смотрите, волна расходится от центра, ударяет в стену, – Андрей постучал карандашом по прямоугольнику, – стена валится в каком направлении?

– Ясен пень. – Коля показал направление, в каком валится воображаемая стена. – И что?

– А то, что стены здания, где мы выбрали тетрадку, не свалились в этом направлении.

Они вообще бы не свалились от взрывной волны. Невысокое кирпичное здание должно было устоять. А оно рухнуло!

– Почему тогда?

– Да потому, что было изнутри взорвано!

– Ой. – Оксана смотрела на друзей широко раскрытыми испуганными глазами. – Я вспомнила: там все было выворочено и вокруг раскидано!

– Вот, – подтвердил Сергеев. – Мне это сразу странным показалось.

– Так ты, – оживился Неодинокый, – думаешь, что здание специально взорвали?

Андрей отрицательно покачал головой.

– Не думаю – зачем кому-то убивать курочку, несущую золотые яйца? Скорее всего, в здании взрывчатое вещество хранилось, и оно от взрыва на станции детонировало.

– И что нам с этим теперь делать?

– Расшифруем записи, пойдем, что произошло, тогда будем решать, что делать.

Коля недоверчиво уставился на друга:

– Старик, только не говори, что ты еще и шифры разгадываешь.

– Не разгадываю, но методику знаю. Ты «Пляшущие человечки» читал?

– Шерлока Холмса? Читал, конечно, так это же выдумка.

– Безусловно, это фантазии сэра Артура Игнейшуса Конан Дойля. Но принципы расшифровки вполне логично изложены. Текста здесь много, это облегчает задачу.

Было видно, что Андрею не терпится быстрее приступить к разгадке шифра.

– Ребята, – слышался робкий голос Оксаны, – давайте мы эту тетрадку в милицию отнесем.

– Ага, побежали, – фыркнул Николай. – Так нас в милиции и ждут с какой-то тетрадкой.

– Оксана, Николай прав, – поддержал друга Андрей. – Никто с нами в милиции серьезно разговаривать не будет. В милицию надо с фактами идти. А у нас пока только предположения. Вот записи расшифруем, тогда и пойдем. Может быть.

За три месяца до взрыва на станции Сортировочная.

Москва, площадь Дзержинского, кабинет председателя КГБ СССР

Андропов внимательно посмотрел на собеседника, встал, подошел к окну. По старой привычке посчитал голубей на памятнике основателю ЧК. Повернувшись, спросил, жестом пресекая попытку собеседника подняться:

– Вы уверены в выводах? Ошибки быть не может?

Вопрос был скорее риторический. Начальник инспекторского управления, одного из самых закрытых подразделений могущественного ведомства, генерал Кабанов был не из тех, кто торопится донести до руководства непроверенные сведения. Подчиненный лично председателю комитета, он входил в очень ограниченное число доверенных лиц. Андропов знал, что на выводы генерала можно целиком положиться. Все же задал вопрос – слишком высоки были ставки.

Понимая состояние председателя, Кабанов ответил не сразу. Мысленно еще раз прокрутил в голове материалы дела, поправил лежащую перед ним папку, зачем-то достал из внутреннего кармана авторучку, повертел в руке и тут же убрал. Посмотрел в усталые глаза председателя за стеклами очков в толстой роговой оправе. Твердо произнес:

– Уверен, Юрий Владимирович, ошибки быть не может.

– Хорошо, Николай Иванович, вы свободны. Я должен подумать.

Кабанов вышел. Андропов вернулся на рабочее место, позвонил референту, попросил чай. Когда референт расставил на столе стакан с чаем, чашку с колотым сахаром и блюдо с тонко нарезанными ломтиками лимона, хозяин кабинета распорядился полчаса ни с кем, кроме Генерального, не соединять. Положил в стакан кусок сахара, подумал, добавил второй вместе с лимоном, размешал. Пододвинул рапорт начальника инспекторского управления, поправил очки, погрузился в чтение.

Повторная экспертиза в Министерстве легкой промышленности подтвердила, что украденные из квартиры известной певицы шубы без ярлычков с информацией о производителе изготовлены фабричным способом с соблюдением госстандартов. По некоторым особенностям выкройки и швов удалось определить место производства: Горпромкомбинат в городе Абайске Казахской ССР.

Оперативными мероприятиями установлено, что на Абайском комбинате во вторую смену шьют шубы, шапки, воротники и муфты из неучтенного высококачественного меха. Объем неучтенной продукции не многим уступает официальным объемам, на реализацию «левые» изделия по поддельным накладным отправляются в Москву, Ленинград, столицы республик Прибалтики и Закавказья. Пушнина в Советском Союзе – один из важнейших источников валютных поступлений. Подпольное вторжение в эту отрасль само по себе серьезное преступление против государства.

Но заинтересовало председателя другое. Незаконное производство имело высокопоставленных покровителей из числа офицеров милиции. Причем следы этого покровительства тянутся в Москву, к одному из заместителей министра внутренних дел. Что компрометирует

самого министра, близкого друга генсека еще по довоенной совместной работе в Днепропетровске.

Это был реальный шанс поставить жирную точку в старом противостоянии Комитета государственной безопасности и Министерства внутренних дел. Реальный, но рискованный. Если информация уйдет раньше времени, последствия будут непредсказуемы. Министр Щелков гораздо ближе «к телу», чем председатель Андропов.

Он убрал рапорт в сейф, допил чай. Несколько минут посидел, обдумывая план действий. Затем поднял трубку внутренней связи:

– Пригласите ко мне генерала Волкова.

Глава 4

Условный стук – два коротких, три длинных, три коротких – раздался ровно через сорок минут после телефонного разговора. Ферзь посмотрел в глазок, открыл дверь, выпустил гостя. Вышел на площадку, наклонился над лестничным пролетом, прислушался. Турок невозмутимо наблюдал за манипуляциями Ферзя из прихожей. По дороге он несколько раз принял меры для проверки того, не следят ли за ним, и, обрубая возможный хвост, пробежал через два проходных двора. Но у шефа свои ритуалы, на то он и шеф.

Беседовали, как обычно, на кухне. Помощнику Ферзь заварил крепкий чай: позади бессонная ночь, а для разговора нужна ясная голова. Сам ограничился стаканом воды. Турок устроился на старом табурете. Каким образом эта хлипкая деревянная конструкция выдерживает двухметрового гиганта, оставалось загадкой. Турок имел привычку во время доклада на табурете раскачиваться, и Ферзь каждый раз мысленно заключал с собой пари: подломятся ножки или нет.

После завершения спортивной карьеры Турок к своим девяти годам набрал еще килограммов тридцать. Но, несмотря на внушительные габариты, двигался по-кошачьи мягко, а при необходимости – невероятно быстро. Ферзь сам видел, как в считанные секунды бывший боксер уложил нескольких здоровенных парней. Дело происходило вечером в ресторане. Турок, а тогда еще просто Демир, пригласил танцевать девицу, сидевшую за столом в шумной компании. Мужская половина компании действия нахала не одобрила, слово за слово... Демир ударил первым и не оставил противникам ни малейшего шанса. Пострадавших увезла «Скорая», а быстро прибывший наряд милиции повел драчуна на выход, где уже ждал Ферзь. Сунув старшине четвертной¹¹, Ферзь заявил, что видел и готов засвидетельствовать, как драку начали парни, а этот гражданин только защищался. Аргументы подействовали, Демира отпустили.

Так у Ферзя появился преданный помощник. Оказалось, что над Турком уже висел условный срок, тоже за драку, и привод в милицию закончился бы сроком реальным.

Раскачиваясь на угрожающе скрипящем табурете, помощник ровным голосом докладывал о ночных событиях. Операция началась в соответствии с планом, затем случилась накладка: здание не разрушилось полностью, часть его устояла. Наблюдатели внутрь не пошли, испугались дальнейшего разрушения, доложили Турку. Он хотел идти сам, но не успел: приехали пожарные, обнаружили раненых и привезли врачей. Врачи были внутри недолго, быстро выбежали, после чего здание окончательно рухнуло.

– Кого-нибудь вынесли? – уточнил Ферзь.

Турок отрицательно помотал головой.

– Нет, все остались под завалом.

– В чем проблема?

Проблема действительно требовала быстрого решения. Врачи вынесли зеленую тетрадь. Это Турок видел сам, в бинокль с ночной оптикой он хорошо тетрадь разглядел. Та самая, которая была у Счетовода.

– Дальше, – потребовал Ферзь. – Кто именно вынес тетрадь? Кому передал?

Тетрадь вынесла девушка в белом халате, по-видимому, медсестра. Показала доктору, никому не передала, положила в наружный карман форменной жилетки. Турок отправил Гвоздя с Черепом проследить и по возможности тетрадь изъять. Но медсестра села в машину скорой помощи с надписью «неврологическая» на борту. Машина уехала в сопровождении милицейского патруля. Дальнейшую слежку пришлось прекратить, в район катастрофы нагнали милицию, видимо, опасались мародерства. Турок дал команду скрытно уходить.

¹¹ Четвертной (разг.) – денежная купюра достоинством двадцать пять рублей образца 1961 года.

- Правильно, – одобрил Ферзь. – Почему поздно позвонил?
- Телефоны во всем районе не работали. Наверное, взрывом повредило кабель.

Оставив помощника на кухне, Ферзь ушел в комнату, закрыл за собой дверь. На старинном, ручной работы, серванте повернул против часовой стрелки одно из резных украшений. В массивной дубовой полке откинулась панель, открывая тайник. Ферзь достал папку с завязками, просмотрел лежащие в ней бумаги, вытащил один лист, папку положил на место, закрыл панель, вернулся на кухню.

Турок терпеливо ждал.

- Это возьмешь с собой, – Ферзь показал бумагу, – после уничтожишь.

На листе, озаглавленном «Объект 501», были напечатаны фамилии, имена, адреса, кое-где телефоны. Каждой записи соответствовал порядковый номер. Ферзь внимательно прочитал список, перед шестью номерами поставил знак вопроса. Посмотрел на Турка:

- Уверен, что из здания никого не вынесли?
- Уверен, – категорично подтвердил Турок. – Наблюдатели подошли раньше пожарных.
- А если кто-то сам выбрался?

Турок с сомнением пожал плечами.

- Я никого не видел, мои люди тоже.

– Надо проверить. – Ферзь постучал шариковой ручкой по вопросительным знакам. – Это ночная смена. Во-первых, уточнить, все ли вышли на работу. Далее проверить адреса, больницы, морги...

- Сделаем.

- Водитель?

- Там же. Машина перед входом стояла. Пустая.

– Теперь остальные. – Ферзь обвел кружками оставшиеся номера списка. – О них надо позаботиться. Сделать все аккуратно, больше разнообразия: несчастные случаи, хулиганские нападения, отравления суррогатами. Ну, ты сам знаешь.

- Знаю, – подтвердил Турок.

– Времени мало. Надо закончить, – Ферзь протянул руку к висящему на стене отрывному календарю, аккуратно оторвал четвертое и пятое октября, – не позднее шестого.

- Не успеем, – без всякого выражения произнес Турок.

– Хорошо. – Ферзь оторвал шестое. – Дальше затягивать опасно. Могут в милицию побежать.

- Не добегут.

- Как думаешь, Счетовод успел что-то врачам рассказать?

Турок снова пожал плечами:

- Сомневаюсь, они там совсем недолго были.

- По первой части все чисто? Свидетелей нет?

- Нет.

- Хорошо. Приметы медсестры, доктора?

Турок прикрыл глаза, вспоминая:

– Медсестра молоденькая совсем. Волосы досюда, – он провел ладонью ниже ушей. – Доктор высокий, в очках, немного сутулится.

- Ты сказал, на машине написано «неврологическая»?

- Да, сам видел.

– Таких должно быть немного. Пошлешь на «Скорую» Студента. Он умеет с людьми разговаривать. Пусть установит личности, адреса. Дальше решим, как действовать. Плохо, если Счетовод успел что-то сказать...

Когда Турок ушел, Ферзь некоторое время посидел перед телевизором. На двух работающих каналах о катастрофе ни слова. Как обычно. В лучшем случае пустят урезанный материал

вечером в местных новостях. После репортажа о перевыполнении плана на краснознаменном машиностроительном...

В целом проведенная без должной подготовки операция прошла на удивление успешно. Оставалось доработать детали и найти тетрадь Счетовода.

Ферзь сморщился, как от зубной боли. Счетовод... Способный математик, но диссертацию не защитил. Хотел перескочить кандидатскую степень, взялся сразу за докторскую. Темой выбрал доказательство гипотезы Римана из списка проблем Гильберта. Естественно, научный совет тему зарубил. Не поверили ученые мужи в способность ассистента кафедры решить одну из математических загадок тысячелетия. Счетовод обиделся, научную работу забросил, увлекся покером. Получалось хорошо, пока не сел за стол с профессиональными шулерами. В итоге проиграл квартиру и зарплату за несколько лет вперед. Собирался покончить с собой. Тогда и предложил ему Ферзь организовать сбыт продукции на новом объекте. Негоциант из Счетовода получился толковый, доходы от продаж быстро превысили расчетные цифры, и с карточным долгом Счетовод рассчитался за полгода. Вот только авантюрная натура взяла свое. Тут Ферзь допустил ошибку. Человек с амбициями Счетовода рано или поздно должен был выйти из-под контроля. Так и случилось: явился на кафедру, вызвал Ферзя в коридор и потребовал пересмотреть условия сотрудничества – хочет быть не наемным работником, а полноправным партнером. В качестве аргумента показал зеленую тетрадь с записями всех финансовых проводок на объекте плюс материалом по основному производству, включая каналы сбыта и даже перечень московских контактов. Сумел гаденыш как-то все раскопать. Гнусно улыбаясь, сказал, перефразируя классика: «Капитализм – это учет и контроль»¹². Конечно, никакой копии разоблачающих записей, «которая в случае моей смерти уйдет...», не существует. Это блеф, Ферзь не хуже Счетовода в покер играет. Есть единственный экземпляр, который теперь в чужих руках. Что произойдет, если тетрадь окажется в органах? Фамилии, адреса, цифры сами по себе мало что значат. Основная информация в тексте, который зашифрован. Вряд ли будут милиционеры над непонятным документом голову ломать. Зачем заводить дело, тратить силы и время, если результат непредсказуем? Но возможно, тетрадь окажется в руках излишне любопытного следователя...

Этот вариант очень Ферзю не нравился. Конечно, шифр непрост, Счетовод серьезно увлекался криптографией, даже статью на эту тему опубликовал. Однако на каждого умника всегда найдется еще больший умник. Не подключить ли к поискам тетради Филина? Поразмыслив, Ферзь решил, что рано. Написал же в своем знаменитом учебнике Эйве: не следует торопиться с выведением ценных фигур на середину доски. Вполне достаточно пешек и легких фигур – боевиков Турка. Но и затягивать нельзя, партию надо завершить в дебюте.

За два месяца до взрыва на станции Сортировочная.

Алма-Ата, Казахская ССР, Республиканское управление КГБ

Из рапорта начальнику следственного отдела полковнику Мамаеву В.Н.

«В результате оперативных мероприятий установлено, что производство неучтенных меховых изделий осуществляется по распоряжению и под личным контролем директора горпромкомбината г. Абайска Слобцова П.Е. Поставка неучтенного меха, в том числе высококачественного каракуля, происходит по линии Казпотребсоюза, по распоряжению и под контролем начальника управления Казкооппушнина Изотова А.Б. Сырье списывается за счет завышенного падежа зверей в питомниках и оформления подложных документов на пересортицу товара. В незаконном производстве задействованы также предприятия горпромкомбината г. Караганды. Общее руководство преступной деятельностью осуществляет член Карагандинской коллегии адвокатов Дунаевский Л.Э. Прикрытие осуществляет начальник Карагандинской

¹² Имеется в виду фраза «Социализм – это учет и контроль» из работы В.И. Ленина «Как организовать соревнование».

высшей школы МВД Эпельбаум И.А... Последний привлек к участию в преступной группе несколько высокопоставленных офицеров милиции в Караганде и Абайске, а также по закрытой линии ведет регулярные телефонные переговоры с первым заместителем министра МВД СССР Лебедевым С.И. Фонограммы переговоров прилагаются к рапорту.

Следователь по особо важным делам подполковник Завгородний О.Н.»

4 октября 1979 г. Газета «Вечерний город»

«В ночь с третьего на четвертого октября на железнодорожной станции Сортировочная из-за халатности дежурного диспетчера столкнулись два товарных состава, перевозящих грузы народно-хозяйственного значения. В результате столкновения произошел взрыв, разрушивший железнодорожное полотно и повредивший близлежащие производственно-хозяйственные строения и жилые дома. Несколько человек получили травмы различной степени тяжести. Жители пострадавших домов временно размещены в гостиницах города. Как нам сообщили в Горисполкоме, ремонт будет произведен в кратчайшие сроки, и уже завтра многие горожане смогут вернуться в свои квартиры. По информации, полученной в Управлении железной дороги, движение поездов полностью восстановлено».

Глава 5

Юрий Петрович Иваненко был вечным студентом. Не то чтобы его увлекал процесс получения знаний. Юре нравился статус, позволяющий не работать без опасений быть осужденным за тунеядство. Счастливый обладатель «белого билета»¹³ по причине легкого психического расстройства, не требующего госпитализации, он избежал домогательств военкомата и спокойно переходил из вуза в вуз после одного-двух курсов обучения. Несмотря на психический диагноз, с головой у Юры все было в порядке и вступительные экзамены он сдавал без особых затруднений.

В тайной организации Ферзя у Юры был псевдоним Студент, и поручения ему давали самые деликатные, требующие импровизации и творческого подхода. Худой, невысокий, в очках, с обаятельной улыбкой, приятным голосом и врожденным актерским талантом, Студент быстро располагал к себе собеседников, входил в доверие и без видимых усилий получал информацию, которую облеченные властью люди не могли вытянуть из свидетелей в ходе многочасовых допросов.

Задание установить личность и место жительства медсестры, подобравшей на объекте зеленую тетрадь, не предвещало особых сложностей. Мысль надеть белый халат и выдать себя за врача или фельдшера Студент отверг сразу. Медицинский институт еще не пополнил его коллекцию вузов, и в разговоре с профессионалами быстро выяснится незнание элементарных вещей, известных любому первокурснику. Зайдя на ближайшую к дому подстанцию скорой помощи, Студент просунул голову в окошко диспетчерской, лучезарно улыбнулся и спросил у девушки в белом халате, как ему найти неврологическую бригаду. Диспетчер в ответ тоже улыбнулась и спросила, зачем такому молодому и на вид абсолютно здоровому человеку неврологическая бригада. Выяснилось, что бригада недавно приезжала к любимой бабушке, которую, вот несчастье, парализовало, но доктор так хорошо бабушку полечил, что все прошло и бабушка чувствует себя прекрасно.

– Преходящее нарушение мозгового кровообращения, – со знанием дела поставила диагноз диспетчер. – Теперь надо давление контролировать, а то может повториться.

Студент горячо поблагодарил за столь ценный совет, сказал, что обязательно будет контролировать. А доктора он ищет, чтобы блокнот вернуть, который доктор на адресе забыл. Студент продемонстрировал толстый блокнот в дорогом кожаном переплете. Но вот беда, фамилию доктора он не знает и где его искать понятия не имеет. Диспетчер сказала, что найти доктора очень просто: неврологических бригад всего три, все базируются на центральной подстанции. Там же можно фамилию врача узнать – по дате вызова и адресу.

– А давайте я сама блокнот на центральную передам, зачем вам туда ездить? – любезно предложила диспетчер.

Студент еще раз поблагодарил, но от предложения отказался. Сказал, что хочет лично блокнот вернуть и свое восхищение мастерством доктора высказать.

По дороге на центральную подстанцию Студент зашел домой, взял фотоаппарат «Зенит», плитку шоколада и купил в киоске «Союзпечати» десять экземпляров вчерашнего выпуска молодежной газеты «На смену!». На «Скорой» не стал задавать вопросы в диспетчерской и отделе кадров. Зачем? У кого самая полная и достоверная информация о членах трудового коллектива? Ну конечно, у секретаря главного врача.

Спросив у пробегающей мимо девушки в белом халате, где небожительствует руководство, и выяснив попутно, что главный врач – вот удача – уехала в горздрав на совещание, Студент решительно распахнул дверь с табличкой «Приемная».

¹³ Белый билет (разг.) – освобождение от призыва в армию по состоянию здоровья.

Незамужняя секретарша Лидочка оторвалась от пишущей машинки и оценивающе посмотрела на вошедшего. Мелковат, рост Лидочки равнялся ста семидесяти четырем сантиметрам, а вошедший едва ли дотягивал до ста семидесяти.

Студент широко улыбнулся, продемонстрировав безукоризненные белые зубы, и положил на стол плитку шоколада.

– Пламенный привет творцу печатного слова, – он показал на пишущую машинку, – от собрата по профессии!

«Симпатичный, все-таки сто семьдесят два будет», – подумала Лидочка и улыбнулась. С зубами у нее тоже проблем не было.

– У себя? – Студент показал на обитую дерматином дверь с табличкой «Главный врач Теплая В.И.».

– На совещании в горздраве. Будет через час, не раньше.

– Какая жалость. – Студент изобразил крайнюю степень огорчения.

Лидочке ужасно захотелось его пожалеть. «А может, и семьдесят пять», – подумала она и участливо спросила:

– Подождете? Я вас чаем напою. А вы что хотели-то?

Студент ударил себя по лбу:

– Ох, простите. Забыл представиться: специальный фотокорреспондент молодежной газеты «На смену!» Герман Дробиз. – Он положил пачку газет на журнальный столик. – Вот последний выпуск для коллектива.

Выяснилось, что специальный фотокорреспондент никак не может ждать, поскольку должен через час сдать материал в набор, иначе главред ему голову оторвет. Выполняя ответственное поручение редакции, он готовит материал о героях-медиках, оказывавших с риском для жизни помощь раненым на железнодорожной станции Сортировочная. Материал почти готов, специальный фотокорреспондент сам был на месте аварии, видел самоотверженную работу врачей, но не хватает имен и фамилий.

– Страна должна знать своих героев! – закончил Студент пафосную речь и перешел к конкретике. Вчера среди множества машин скорой помощи он заметил бригаду с необычным названием «неврологическая». Высокий молодой доктор в очках и молоденькая медсестра. Обо всех написать корреспондент не может, поэтому хотел бы сделать героями своего очерка этих людей. Тем более что газета молодежная.

Лидочка выбор корреспондента горячо поддержала, сказала, что доктор – это недавно назначенный на должность заведующего отделением Андрей Сергеев, а помощницей у него студентка Оксана Шурова.

Лидочка поманила корреспондента пальчиком и прошептала на ухо:

– У них роман. Только никому! Об этом не пишите!

– Ну что вы. – Студент сделал вид, что обиделся. – Советская пресса не разглашает подробности частной жизни героев.

Лидочка ужасно огорчилась, что расстроила милашку фотокорреспондента. Стараясь загладить невольную оплошность, спросила, не может ли еще чем-нибудь помочь. Оказалось, что очень даже может. Для репортажа нужны фотографии героев, причем сделанные в нерабочей обстановке, лучше всего дома. «У себя дома люди более раскованны и фотогеничны, – пояснил Студент. – Только адресов он не знает, вот если бы очаровательная собеседница...»

Студент достал фотоаппарат, сделал несколько снимков Лидочки за печатной машинкой и без машинки, обещал вставить в материал, а также напечатать и лично фотографии принести.

... Вот если бы очаровательная собеседница помогла узнать адреса скромных героев будущего очерка!

– Вообще-то мы место жительства сотрудников не раскрываем, – Лидочка хитро улыбнулась, – но для вас сделаем исключение.

Она ненадолго вышла, вернулась с листом бумаги, на котором от руки были написаны два адреса. Студент взял листок, посмотрел на часы и схватился за голову:

– Главред меня утопит в ванне! Огромное спасибо, я побежал. Читайте «На смену!».

– Только вы хорошо напишите, правдиво, – попросила Лидочка вдогонку. – А то вчера в «Вечерке», представляете, «несколько человек получили травмы», а там на самом деле ужас!

– Так это же местная пресса, – авторитетно заявил Студент, закрывая дверь, – а мы центральная.

5 октября 1979 г. Газета «Вечерний город»

«Пьяный за рулем.

Сегодня около четырнадцати часов на перекрестке проспекта Космонавтов и улицы Ватутина неизвестный, управляя автомобилем „Москвич 412“ белого цвета, на большой скорости выехал на запрещающий сигнал светофора и сбил переходящего улицу на зеленый цвет пешехода. Мужчина, мастер-наладчик оборудования швейной фабрики № 2, получил тяжелую черепно-мозговую травму и скончался, не приходя в сознание. Автомобиль „Москвич“ с места происшествия скрылся. Для задержания преступника был объявлен план „Перехват“. Со слов свидетелей происшествия, сбивший пешехода автомобиль двигался неровно, выезжал на тротуар и на полосу встречного движения. По-видимому, водитель был пьян. Как рассказал нашему корреспонденту заместитель начальника ГорГАИ подполковник Демин, в текущем году количество аварий по вине пьяных водителей выросло на треть к уровню прошлого года».

«Преступная халатность.

Сегодня днем обрушился козырек подъезда дома номер восемнадцать по улице Хохрякова. Выходящая из подъезда женщина, швея пятого разряда дома быта Кировского района, получила несовместимую с жизнью травму и скончалась на месте. Жильцы дома неоднократно обращались с письменными заявлениями в домоуправление в связи с аварийным состоянием козырька. Однако управдом Мамедов Э.И., проявив преступную халатность, не принял вовремя мер к ремонту опасного козырька, что и привело к трагедии. По факту обрушения козырька возбуждено уголовное дело».

Глава 6

Когда Оксана с Николаем ушли, Андрей взял лист бумаги, подточил карандаш и устроился за столом с зеленой тетрадью, планируя плодотворно поработать над шифром. Однако быстро понял, что работы не получится. Бессонная ночь и перенесенные волнения взяли свое. Глаза слипались, буквы и цифры двоились. Организм требовал крепкого сна, и чем быстрее, тем лучше.

Проснулся Сергеев поздно, некоторое время повалился в постели. Имел полное право: согласно таблице рабочий день после суточного дежурства у него начинался в два часа. Однако завтрак в столовой Высшей партийной школы, куда у Андрея имелся служебный пропуск, заканчивался в одиннадцать. А в холодильнике, как он прекрасно помнил, кроме черствого сыра ничего нет. Посмотрел на часы: десять ноль пять. Быстро приняв решение, Андрей поднялся, сделал короткую гимнастику и побежал в столовую. Вернувшись, за шифр садиться не стал, решил пораньше выйти на работу, быстрее закончить дела и с чистой совестью погрузиться в тайнопись.

Пятнадцать минут спустя он уже открывал на втором этаже центральной подстанции дверь кабинета номер шесть, который он делил с Виталием Исааковичем Белорецким, прекрасным специалистом, приятным собеседником и большим любителем стажеров в юбках и коротких халатах. На двери красовалась двойная табличка: «Заведующий кардиологическим отделением к.м.н. В.И. Белорецкий – и (ниже) – заведующий неврологическим отделением А.Л. Сергеев». Табличкой со своим именем Андрей втайне от всех гордился и, входя, несколько раз перечитывал. Три заветные буквы «к.м.н.» – кандидат медицинских наук – после названия должности он надеялся поставить в следующем году.

Главного кардиолога «Скорой помощи» на месте не было, чему Сергеев откровенно радовался: никто не будет отвлекать. Рабочий стол завален непроверенными картами, и Андрей отважно приступил к расчистке. Но успел просмотреть не больше десятка историй: пришла старшая медсестра с неприятной новостью о болезни доктора Петровой. Болезнь несерьезная, простуда, но проблема серьезная. Смена Петровой шестого, то есть завтра. Нужно срочно искать замену. Табличка на двери кабинета – это не только предмет гордости, это еще и многочисленные обязанности.

Эпопея с назначением Сергеева на руководящую должность закончилась в мае. Несмотря на поступившие в партком и профком анонимки, обличающие кандидата на заведование в многочисленных пороках, сразу после праздника Победы его пригласила главный врач Валерия Ивановна Теплая, пожала руку, поздравила с повышением и сказала, что верит в молодого доктора, несмотря на мнение отдельных членов партбюро. Сергеев поблагодарил за доверие, обещал не уронить авторитет первых в стране неврологических бригад скорой помощи и вернулся в кабинет уже не исполняющим обязанности, а полноправным руководителем. В кабинете его ждал Виталий Исаакович с открытой бутылкой «Армянского».

Поиск замены на завтрашнюю смену занял почти час. Андрей разделил суточное дежурство на два двенадцатичасовых и уговорил невропатолога Широкова выйти шестого в ночь. Взамен пообещал отгул. Дневные часы Сергеев оставил за собой, позвонил в поликлинику Антонине Ивановне, маме Оксаны, передал для Оксаны просьбу выйти завтра на работу с восьми до восьми.

Закончив административные хлопоты, вернулся к непроверенным картам. Но ненадолго: пришел Виталий Исаакович с худой очкастой стажеркой в коротком халатике, открывавшем костлявые коленки, достал неизменную бутылку «Армянского» и потребовал подробного отчета о героических действиях на Сортировке. Стажерка обожаемого руководителя горячо

поддержала, смотрела на Андрея как на живую легенду и отважно опрокидывала рюмку за рюмкой, не отставая от тренированных докторов.

Когда бутылка опустела, Андрей решил, что загадочная тетрадь гораздо привлекательнее опостылевших карт, и собрался домой. В коридоре его схватила за рукав секретарша Лидочка, отвела в сторону и таинственным шепотом сообщила, что их с Оксаной утром разыскивал специальный фотокорреспондент газеты «На смену!».

– Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы...¹⁴ – продекламировал Андрей.

– Я серьезно! – надулась Лидочка и достала из кармана толстую записную книжку. – Вот, Герман Дробиз. Он, наверное, к тебе в общагу придет и к Оксане домой, я ему адреса дала.

– Пусть приходит, – легкомысленно заявил Андрей и чмокнул Лидочку в щеку, за что получил шутовскую пощечину.

Галантно поклонившись и пробормотав что-то про разбитое сердце, Сергеев поспешил покинуть здание подстанции, пока снова никто не задержал.

Прежде чем подступиться к шифру, Андрей еще раз проанализировал записи в колонках. Удовлетворенно хмыкнул: он не ошибся, это учет доходов и расходов. Кому, от кого, когда и сколько. Однако сам по себе учет не содержал криминальной информации. Адреса неполные, иногда только город или населенный пункт. Большинство фамилий также сокращены, вот, например, И-ов. Иванов? Иконников? Игнатов? Что бы сказал следователь Пал Палыч из «Знатоков»? Сказал бы, что информации недостаточно. Как найти И-ова из Красноярска? Нужны пояснения. А пояснения здесь же, на обороте каждого листа, но зашифрованы пятизначными числами. Зачем зашифрованы? Видимо, чтобы не прочитали посторонние. Следовательно, оборотные стороны содержат информацию, представляющую опасность для шифровальщика. Зачем же ее хранить, пусть даже в виде тайнописи? Это вопрос, ответ на который скрыт в тексте.

Мистер Шерлок Холмс, объясняя инспектору Мартину и доктору Ватсону, каким образом он проник в тайну «пляшущих человечков», ссылаясь на обычные правила разгадывания шифров. Но у великого сыщика была подсказка: имя адресата таинственных записок, Илси. То есть у Холмса была фора – три буквы шифра. У Андрея такой форы не было. Предстояла кропотливая, требующая сосредоточенности и внимания работа: поиск наиболее часто повторяющихся комбинаций цифр. Известно, что в письменном русском гласные буквы используются чаще согласных. Самые употребляемые гласные: «о», затем «а» и «и». Среди согласных безусловный лидер «н». При этом наибольшее количество слов начинается с «п» и «о». В соответствии со статистикой повторений цифр в шифре нужно будет подставлять буквы, что позволит прочесть отдельные слова. Дальше уже дело терпения и техники.

Андрей начал подсчеты, но сразу столкнулся с новой загадкой. В шифре Холмса каждой букве соответствовал отдельный символ – забавный человечек. Флажки в руках человечков обозначали знаки препинания. Шифр в тетради состоял из пятизначных цифр. Пять цифр – одна буква? Нерационально, длинный текст не зашифруешь. Или четыре цифры – буква, пятая – знак препинания или пробел? Полковник Исаев¹⁵ в «Семнадцати мгновениях» использовал шифр с открытым ключом, томиком французского мыслителя Монтеня. Четыре цифры – одна буква. Страница, строка, номер в строке. Также более подходит для коротких сообщений. Возможно, пять цифр – это не буква, а слог или два слога? Надо искать закономерности.

Два часа Андрей кропотливо выписывал комбинации цифр, подсчитывал количество повторений. Получалась ерунда – закономерностей не было. Цифры следовали одна за другой

¹⁴ «Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы в нашей столице» – начало стихотворения С. Маршака «Рассказ о неизвестном герое».

¹⁵ Полковник Исаев – советский разведчик Штирлиц, главный герой телесериала «Семнадцать мгновений весны».

совершенно случайным образом. Ни одна из комбинаций численно не превалировала. Захватывающее проникновение в тайнопись обернулось нудной работой, не приводящей к результату. Андрей отчаянно зевал и чувствовал, что засыпает. Из заветных запасов достал банку растворимого кофе, привезенного летом из Ленинграда, с научной конференции. Насыпал в кружку три ложки с горкой, поколебавшись, добавил четвертую. Налил кипятка, плеснул от души янтарный напиток из пузатой бутылки «Сльнчев бряг». Проверенное средство позволило продержаться еще три часа, без особого, впрочем, успеха. Закономерностей не было, обычные правила разгадывания шифров не работали.

«Я где-то ошибаюсь, надо прочистить мозги». Не раздеваясь, Андрей лег на кровать, расслабился в «позе мертвеца» йогов. «Пятнадцать минут», – сказал он себе и закрыл глаза. Открыл глубокой ночью, посмотрел на часы, огорченно вздохнул, разделся, погасил свет и снова уснул, поставив будильник на половину восьмого.

За два месяца до взрыва на станции Сортировочная.

Караганда, Казахская ССР

До перевода в областное управление Министерства внутренних дел на кабинетную должность подполковник Калиев более двадцати лет топтался «на земле». Начинать оперативником в райотделе, поднялся до заместителя начальника уголовного розыска в городе Абайске. Опытных кадров не хватало, часто сам вел скрытое наблюдение за подозреваемыми. Несколько раз внедрялся в преступные группировки. Поэтому навыки слежки, как и ухода от слежки, отрабатывал не только на практических занятиях в Высшей школе милиции.

Хвост Калиев обнаружил на проспекте Абдилова. Из управления на комбинат он поехал, как всегда, на личной машине, бежевой «тройке»¹⁶ с форсированным двигателем. Когда именно сзади появилась неприметная серая «копейка»¹⁷, точно сказать не мог, на проспект выезжал переулками с множеством поворотов. Но на прямом и широком участке стало очевидным, что серый «жигуль» как привязанный следует за его машиной. Для полной уверенности Калиев сделал несколько резких поворотов на прилегающие улицы и обнаружил второго преследователя – четырехста двенадцатый «Москвич», тоже серого цвета. Устраивать в городе гонки, уходить, используя преимущество форсированного мотора, не стал. В эти игры пусть шпионы играют. Срисовал госномера преследователей и спокойно вернулся в управление. Позвонил знакомому майору из городской автоинспекции, попросил выяснить, кому принадлежат номера.

Знакомый майор перезвонил через два часа. То, что он сказал, Калиеву решительно не понравилось.

5 октября 1979 года, город С.

Иван Павлович Мерзляков, крупный мужчина средних лет, возвращался домой с последнего сеанса в кинотеатре «Октябрь». Показывали недавно вышедший на экраны двухсерийный «Экипаж». Билеты купить в кассе было невозможно, поэтому Иван Павлович договорился с перекупщиком в подворотне у кинотеатра за червонец¹⁸. Дорого, конечно, но оно того стоило. Фильм впечатлял. Первая часть немного затянута, перегружена выяснениями отношений, любовными треугольниками и семейными драмами. Зато вторая серия захватывала с первых минут и держала в неослабевающем напряжении: взлет по разрушенной горячей полосе, поврежденный руль, пробоина фюзеляжа, разгерметизация салона... На целый час Иван Павлович перенесся в терпящий бедствие самолет, забыв о всех своих волнениях.

¹⁶ «Тройка» (разг.) – советский автомобиль ВАЗ-2103 «Жигули».

¹⁷ «Копейка» (разг.) – советский автомобиль ВАЗ-2101 «Жигули».

¹⁸ Червонец (разг.) – название банкноты номиналом 10 рублей образца 1961 года.

Мерзляков вдохнул полной грудью необыкновенно свежий после душного зала осенний воздух, подставил лицо морозящему дождю, посмотрел на затянутое тучами темное небо и подумал, что все-таки хорошо, когда твоя работа не связана с катастрофами, горящими самолетами и другими опасностями.

Мысли о работе вернули Ивана Павловича к собственным проблемам. Вчера вечером заехал Максим на своей «буханке»¹⁹, сказал, что работы пока не будет, цех разрушен взрывом на станции Сортировочная. Новость ошеломила Мерзлякова. Он, конечно же, знал о взрыве, предполагал, что количество пострадавших и разрушения значительно превышают официальные данные, но не мог подумать, что катастрофа коснется его лично. Неделю назад он пошептался с продавцом в ЦУМе о новом «Рубине 714»²⁰ с экраном шестьдесят один сантиметр. На прилавках такие телевизоры не появляются, разбираются задолго до поступления. Мерзлякову обещали вынести один с заднего крыльца за пятикратный²¹ сверху. Когда дома стоит такое чудо советской техники, на билеты в кино можно не тратить. Чудо стоило шестьсот семьдесят, четыреста лежали на сберкнижке, пятьдесят – дома, в шкапулке на комод. Недостающие двести сорок пять Мерзляков рассчитывал получить за следующую экспедицию, которая теперь неизвестно когда состоится. А телевизор уплывет.

Иван Павлович трудился экспедитором. Вдвоем с Максимом они развозили продукцию по области, иногда дальше. В цех доставляли ткани, пуговицы, нитки, прочую швейную ерунду. Работа непыльная и не каждый день, а деньги платили приличные. За молчание, как считал Мерзляков. Цех наверняка в списке городских предприятий не значился. Как еще объяснить зарплату в конвертах, которые привозил тот же Максим? Погрузки-разгрузки исключительно по ночам? Полным идиотом надо быть, чтобы не догадаться. А идиотом Иван Павлович себя не считал. И к своему положению относился спокойно. Зачем беспокоиться? Он лично не ворует, законов не нарушает. Трудовая книжка лежит на швейной фабрике № 2. Платят всегда вовремя.

Платили вовремя. Теперь не будут, и что делать – непонятно. Погруженный в невеселые мысли Иван Павлович свернул в хорошо знакомый переулок. Фонарь на углу, как всегда, не работал, но Мерзляков мог найти дорогу с закрытыми глазами. До подъезда пятиэтажки с однокомнатной квартирой на втором этаже осталось сделать сто пятьдесят шагов...

Удар монтировкой по голове навсегда прервал переживания о таком близком, но недосягаемом цветном телевизоре «Рубин 714» с экраном шестьдесят один сантиметр.

¹⁹ «Буханка» (разг.) – грузо-пассажирский автомобиль УАЗ-452.

²⁰ «Рубин 714» – модель цветного телевизора, выпускавшегося в СССР с 1976 года.

²¹ Пятикратный (разг.) – название банкноты номиналом 25 рублей образца 1961 года.

Глава 7

Оксана прибежала за три минуты до начала смены. Щеки розовые, глаза зеленые, на шапке непослушных каштановых волос тают первые октябрьские снежинки. Андрей оглянулся: никто не видит, – обнял, поцеловал в холодные после улицы губы. Оксана шутиливо оттолкнула:

– Ведите себя прилично, доктор Сергеев!

– Опаздываете, фельдшер Шурова, – в тон ей ответил Андрей и добавил серьезно: – Я уже думал, один на линию выйду.

– Андрюша, извини, я правда торопилась, трамвай...

– Ладно, – махнул рукой Андрей. – Дуй в заправочную, бери ящик, у нас уже вызов лежит.

Вызов оказался несложным: приступ бронхиальной астмы у хроника. Купировали быстро, от госпитализации больной отказался. Когда вернулись на подстанцию, Оксана попросила разрешения позаниматься в кабинете Сергеева – завтра зачет. Андрей, конечно, разрешил, устроил Оксану за столом Белорецкого – тот читал лекцию в институте, – а сам сел проверять карты вызовов. С сожалением отметил, что за ночь стопка не уменьшилась: утром еще принесли свежие, за вчерашнюю смену. Но работа шла быстро, с почерками коллег он уже освоился, ошибок в диагностике и лечении было не много, доктора все со стажем.

Карты Фатьковой, официального дублера предыдущего заведующего отделением, Сергеев, практически не просматривая, переложил в проверенные. По негласной договоренности Галину Ивановну, обиженную назначением на заветную должность молодого доктора, Сергеев замечаниями не донимал. В мае, сразу после появления приказа, Фатькова подала заявление на увольнение. Андрею немалых трудов стоило уговорить ее остаться, очень не хотелось терять грамотного и опытного специалиста. За прошедшее время отношения между ними более-менее наладились. И анонимки в партком прекратились.

Зато на Коле Широкове Андрей отыгрался. Объективно было за что, тем более увольняться Широков не думал, хотя потеря для отделения была бы небольшая. Исчеркав красной ручкой пять из восьми карт, Сергеев пометил в ежедневнике: вызвать доктора Широкого на собеседование – и поставил три восклицательных знака. С чувством выполненного долга закрыл последнюю карту, потянулся, посмотрел на склонившуюся над конспектами Оксану, потом на часы. Почти двенадцать. Предложил:

– Поехали на обед в «Пельменную» на Пушкина. Или в партшколу ходим, пока вызовов нет?

Оксана с готовностью согласилась на партшколу: вкусно и дешево.

«Голодная, опять не завтракала», – подумал Андрей, и в этот момент проснулся дремавший селектор:

– Седьмая, на вызов, семерка!

На Профессорской улице стояли пятиэтажные дома довоенной постройки для научных работников и преподавателей Политехнического института. Квартиры в них были предметом черной зависти проживающих в тесных хрущевках²² граждан. Во время войны в профессорские корпуса начали подселять эвакуированных, и многие отдельные квартиры превратились в коммунальные. Но вызвавший «Скорую» Олег Маркович Харлампович, доктор математических наук, профессор, руководитель лаборатории Института математики и механики, умудрился сохранить в неприкосновенности когда-то выделенную государством жил-

²² Хрущевка (*разг.*) – квартира в домах хрущевской постройки – советских типовых панельных или кирпичных жилых домах, обычно 5-этажных, с малометражными квартирами.

площадь. Помогла, видимо, тесная связь научных работ профессора с обороноспособностью страны.

Дверь открыл сам профессор, возле которого вился большой черный кот. Больше дома никого не было. Как выяснилось, и быть не могло. Жена умерла несколько лет назад, дети разъехались, домработница приходит два раза в неделю.

– Спасибо, что быстро приехали, – сказал Олег Маркович, – что-то мне совсем плохо. Сердце прихватило.

Кот ничего не сказал, посмотрел на вошедших большими круглыми глазами и важно удалился.

Пациента уложили на диван в гостиной, нацепили электроды, записали электрокардиограмму. Стенокардией профессор страдал давно, но сегодня боль была необычно сильной и длительной, нитроглицерин не помогал. На пленке признаки ишемии миокарда. Еще не инфаркт, но близко. Андрей предложил госпитализацию, но Харлампович категорически отказался. Во-первых, срочную работу надо закончить, во-вторых, кота не с кем оставить. Соседи брать отказываются: в отсутствие хозяина Черныш становится агрессивным, царапается, кусается.

Андрей продиктовал Оксане назначения и, пока девушка возилась со шприцами, принялся рассматривать содержимое огромного, во всю стену, книжного шкафа. Кроме монографий по математике и физике на русском, английском и немецком языках здесь было полное собрание Большой советской энциклопедии в пятидесяти томах, хорошая подборка художественной и научно-популярной литературы, около десятка книг с фамилией хозяина квартиры на обложке и... Андрей попросил разрешения и взял в руки книгу в твердом переплете серого цвета. «The Codebreakers» – «Взломщики кодов», автор David Kahn.

– Олег Маркович, – Андрей повернулся к профессору, выглядевшему гораздо бодрее после обезболивающих уколов, – дайте почитать, обязуюсь вернуть в целости и сохранности в течение недели.

– Читаете на английском? – удивился Харлампович. – Приятно встретить молодого врача, владеющего иностранным языком. Конечно, книгу берите, только утолите любопытство старого профессора: зачем она вам?

Андрей рассказал про загадочную находку и про тщетные попытки расшифровать тайнопись.

– Да, молодой человек, – улыбнулся Олег Маркович, – со времен Конан Дойля наука о методах обеспечения конфиденциальности информации значительно продвинулась. Любопытно было бы взглянуть на сей шифр.

Андрей открыл портфель, который всегда возил с собой, достал тетрадь и протянул профессору. Тот внимательно просмотрел все исписанные страницы и нахмурился.

– Очевидно, что данные записи связаны с незаконными финансовыми расчетами.

– Да, это я понял, – согласился Андрей.

– Не хотите отнести тетрадь в милицию?

– Я тоже предлагала! – вмешалась Оксана.

– А милиция будет с этим разбираться? – ответил Сергеев вопросом на вопрос.

Профессор задумался, еще раз пролистал тетрадь.

– Наверное, не будет. А шифр очень любопытный, и, кажется, я знаю, кто это писал.

– И можете расшифровать?

– Попробую, но будет непросто. Это шифр на основе буквенно-цифрового кода с переменным алгоритмом. Каждые пять цифр – слово плюс знак препинания в конце.

– Как такое может быть? – удивился Андрей. – Не все же слова в русском языке состоят из пяти букв. А если еще знак препинания...

– В том-то и хитрость. Если я не ошибаюсь, это уникальный шифр, придуманный одним первоклассным криптографом. Каждая цифра или каждое сочетание цифр обозначают слог, возможно, несколько слогов. Но всегда разные. В соответствии с заданным алгоритмом. Для расшифровки нужно раскрыть данный алгоритм. Это здесь, – профессор постучал себя по лбу, – не сделать. Нужна мощная электронно-счетная машина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.